

Русская АТЛАНТИДА

МЕСТО
ИЗДАНИЯ:
ЧУЖБИНА

ГРИФОН

Леонид Матвеевич Аринштейн
Место издания: Чужбина (сборник)
Серия «Русская Атлантида»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14823868

Место издания: Чужбина. Рассказы русских писателей-эмигрантов / [составитель Л. М.

Аринштейн]: Грифон; Москва; 2006

ISBN 5-98862-024-8

Аннотация

Эту книгу надо было назвать «Книгой неожиданных открытий». Вы прочитываете рассказ, который по своим художественным достоинствам вполне мог принадлежать перу Чехова, Тургенева или Толстого, и вдруг с удивлением узнаете, что имя его автора вам совершенно незнакомо... Такова участь талантливых русских писателей – эмигрантов, печатавших свои произведения «на Чужбине», как обозначил место издания своих книг один из них.

В книгу вошли также короткие рассказы таких именитых писателей, как Алексей Ремизов, Иван Шмелев, Евгений Замятин, Федор Степун, Надежда Тэффи. Но ведь и их еще только – только начали печатать в России и пока мало кто действительно знаком с их произведениями – тем более, с короткими рассказами.

Содержание

Об этой книге	5
Письменно	8
Промысел Божий	11
Русский страж ночного Парижа	16
Господин Такси	24
Вокруг света	28
Гроза	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Место издания: Чужбина. Рассказы
русских писателей-эмигрантов
(составитель Леонид Аринштейн)**

© Грифон, 2006

© Л. М. Аринштейн, составление, 2006

© С. Б. Дьяков, оформление, 2006

* * *

Об этой книге

*И если вот, чужбина, одиночество, родины нет, значит, так
Богу угодно. Что могу я сказать со своим крохотным умом?*
Борис Зайцев. «Вандейский эпилог»

Что к этому можно добавить?... Могу только пояснить, как организована эта книга. Я отобрал для нее двадцать коротких рассказов. Чем они привлекли мое внимание – трудно сказать. Одни, вероятно, правдой жизни, ее глубоким религиозно-философским осмыслением, другие лиризмом, психологической глубиной, третьи остроумием, четвертые трагизмом, пятые...

Всех их объединяет краткость (здесь это основной принцип отбора – «Сказать то, что нужно, и только то, что нужно»), талантливость, безупречный художественный вкус, прекрасный русский язык. Да, наши соотечественники, оказавшись в далеком рассеянии – где-то в Тяньцзине или Сан-Паулу, – не только не растеряли родной язык, но относились к нему как-то по-особому бережно. Вслушайтесь, как полнокровно звучит он у Ремизова, Шмелева, Степуна, Гребенщикова...

Рассказы создавались между 1920 и 1970 годами – то есть представляют писателей первой, второй и даже третьей волны эмиграции. Они очень несхожи, и если бы я преследовал научные или библиоклассификационные цели, то сгруппировал бы их тематически, расположил хронологически, снабдил комментарием. Но цель у меня другая – сделать книгу интересной и легкой для чтения. Если это удалось, никто уже, надеюсь, не станет пенять на хронологическую хаотичность или тематическую чересполосицу и пестроту.

И еще об отборе. Я очень ценю Бунина, Куприна, Зайцева – наиболее талантливых писателей первой волны. Но их сочинения издавались в России – и прежде в Советском Союзе – неоднократно: и полными собраниями, и сборниками, и сейчас они хорошо известны. В этой книге они не представлены. Но писатели того же масштаба – Алексей Ремизов или Иван Шмелев, притом, что их произведения уже лет пятнадцать печатаются довольно широко, пока не достигли уровня известности, соответствующего их огромному таланту. Два фрагмента из Ремизова (тысячная доля написанного им в эмиграции!) я отобрал для этой книги; а изумительным по благородству и тонкости рисунка рассказом Шмелева «Чертов балаган» я завершил сборник.

Не представлены здесь и такие яркие авторы, как Алданов, Берберова, Набоков – опять-таки в силу соответствия их известности их таланту. Но одно исключение я все же счел нужным сделать: Евгений Замятин. Все знают его «Мы», «Письмо к Сталину», многое другое. Однако из двух десятков литературно образованных людей, которым я прочитал его рассказ «Письменно», скрыв имя автора, ни один не опознал Замятина. Отступил я и в другом: рассказ написан в 1916 году, то есть до начала эмиграции, да и сам Замятин эмигрировал только в 1927 году. Но, во-первых, с установлением советского строя он стал чуть ли не первым и во всяком случае наиболее заметным «внутренним» эмигрантом. А во-вторых, его рассказ, поэтизирующий непредсказуемость и в то же время широту русской души, особенно женской, является удивительно ярким прообразом сформировавшегося впоследствии в эмигрантской литературе лирического романтизма, склонного поэтизировать и в чем-то идеализировать все, что относилось к русской жизни в «мирное время» (то есть до мировой войны и революции).

Это направление представлено широким спектром крупных произведений, из которых я бы выделил как наиболее характерные «Лето Господне» (1933–1948) и «Богомолье» (1935) Шмелева; «Золотой узор» (1926) и «Путешествие Глеба» (1937) Зайцева. В силу объема

этих произведений они не могли войти в это собрание; но написанные в том же лирико-романтическом ключе рассказ Георгия Гребенщикова «Суд Соломона» и очерк Федора Степуна «Вагоны России» (включенные в сборник) дают довольно ясное представление об этом направлении в эмигрантской литературе.

Другим заметным пластом эмигрантской литературы стали романы, воспоминания, очерки и рассказы о мировой и Гражданской войнах. Несколько таких рассказов – «Промысел Божий» А. Лукина и «Пальма» и «Сечь» генерала Туркула (в обработке Ивана Лукаша), а также уже упомянутый рассказ Шмелева представлены в нашей книге.

И наконец, рассказы о собственно эмигрантской жизни. Их более всего и в эмигрантской литературе, и, соответственно, в нашем сборнике. Они неоднородны по тематике, стилистике, настроению: здесь и любовно-бытовая тематика (Тэффи), и обыгрывание комических ситуаций (Ренников), и глубокий трагизм, скрытый под маской бытописательства (Ремизов, Шиманская), и стоящие немного особняком рассказы Е. Тарусского о русских офицерах, сумевших сохранить офицерскую честь на самом дне парижской жизни.

Все сказанное относится к русской эмиграции первого поколения – то есть 20–40-х годов. Писатели послевоенного поколения (после Второй мировой войны) представлены в книге беднее.

Объясняется это тем, что в это время внутри страны сформировался мощный пласт литературы, противостоявшей тоталитарному режиму и его идеологии. Многим ее представителям пришлось эмигрировать, но уже после того, как их основные произведения (из-за которых они, собственно, и вынуждены были покинуть Родину) были написаны и либо напечатаны в либеральных журналах, либо распространялись в самиздате. Такова судьба Солженицына, Иосифа Бродского, Анатолия Кузнецова, Виктора Некрасова, Георгия Вадимова, Василия Аксенова, Андрея Синявского и многих менее известных писателей. Понятно, наша книга (да и любая другая!) очень бы выиграла, если в нее включить «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка» Солженицына, «Артист миманса» Кузнецова, рассказы Аксенова. Но оттого что авторы этих произведений долгие годы находились в эмиграции (а Кузнецов там и погиб), к эмигрантской литературе названные рассказы никак не отнесешь.

То же самое можно сказать о произведениях таких авторов, как Борис Пастернак или Фазиль Искандер: сами они в эмиграции не были (Бог оберег!), но «Доктор Живаго» и принципиальная глава «Пир Валтасара» из романа Искандера «Сандро из Чегема» были напечатаны за рубежом задолго до того, как увидели свет на родине. Понятно, это тоже не эмигрантская литература. Так что можно без преувеличения сказать, что в 60–80-е годы «внутренне-эмигрантская» литература оттеснила на задний план литературу собственно эмигрантскую.

Правда, в количественном отношении за рубежом в это время было написано немало. Но рассказов, которые можно было бы поставить в один ряд с только что перечисленными, не так уж много. Наиболее талантливые писатели выступили в годы эмиграции с крупными произведениями чаще всего мемуарно-биографического характера: В. Максимов «Семь дней творения» (1974), В. Некрасов «Записки зеваки» (1975), А. Галич «Генеральная репетиция» (1975), Н. Коржавин «Опыт поэтической биографии» (1975). В каждом из этих произведений есть фрагменты, легко обособляющиеся в отдельный рассказ. Один такой фрагмент из повести Максимова «Дворник Лашков» (1967), составивший впоследствии третью часть «Семи дней творения», я включил в эту книгу.

Из многих послевоенных рассказов, созданных писателями-эмигрантами второй и третьей волны, в книге представлены следующие: Л. Ржевский «Маша Лескова» – живая и остроумная реплика на культовый французский роман XVIII века «Манон Леско»; В. Андерс «Почетный гость»; комические «скоморошки» Аллы Кторовой и трагический рассказ «Каза-

чья невеста» Ирины Сабуровой, тем более примечательный, что до войны Сабурова, жившая тогда в Риге, писала нежные романтические сказки в духе Александра Грина.

* * *

Отобранные для этой книги короткие рассказы (фрагменты? крохотки? корявки? – как их ни называй) просты и прозрачны. Они следуют славной традиции «Повестей Белкина», «Героя нашего времени», рассказов Гоголя, Толстого, Лескова, Чехова. И хотя создавались они далеко за пределами России и печатались вдали от России – они всей сущностью своей принадлежат великой русской литературе.

Леонид Аринштейн

Письменно

Дарьин отец в Дону закупался. Поспорил с пушкарскими, что всех в воде пересидит, и правда, пересидел, да тут же и кончился. Стали жить вдвоем с матерью, а без мужика в доме – что уж за жизнь: одно горе необрядимое.

Терпела-терпела да и говорит Дарье мать:

– Ну, Дарья, иди за Еремея карнаухого замуж. Теперь привереды-то эти нам не к лицу. Отбарствовали, будет...

Еремей – вдовой, из мещан пушкарских. Лицом – черный, волосатый, чисто окаяшка. А глянет – так Дарью инда одернет всю. И одного уха нету: во сне, шутки ради, ему обрезают. Ну, против материной воли куда же? Поплакала-поплакала Дарья и пошла к венцу.

Утром в мужнином доме Дарья в первый раз прибирала косы под бабий платок. Косы – русые, длинные, красота, под платок не лезут никак, и руки не слушаются – ночью заму-чилась. Не стерпела Дарья, пала на лавку, да в голос.

А Еремей за столом сидел, вино пил: от вчерашнего осталось. Как кулаком брякнет об стол:

– С первого дня кричать? Ты по ком кричишь, а? Замолчи! Сейчас чтобы смеялась! Смеись, ну?

А как засмеешься, когда в три ручья слезы?

– Смеись, говорю! Не хочешь? – да за волосы Дарью, и потуда таскал, покуда и вправду не стала смеяться смехом смертным, исходным.

Так и пошло бабье бедование. То была Дарья разбитная, бойкая, а теперь – вроде мыши: все норовит в угол забиться, уйти от еремеевых глаз волчиных, от рук железных...

Только и отдыху Дарье, когда Еремей уедет по своим делам. Уедет – обязательно Дарью на ключ замкнет. Ну да это уж пусть: зато отоспится и поплачет всласть, и девичью песню вспомнит, протянет тихонько.

И день, и два, Еремея нету.

– Эх, если бы, окаянный, застрял где-нибудь... Заколodило бы его, прихлопнуло бы. Богородица дево, мать пресвятая, угомони ты его, расшиби окаянного...

А он – легок на помине – сейчас в дверь и стукнет. Избитый, в синяках весь – еще страшнее.

– Ты что ж, мне не рада? Опять мокроглазая? Ну, погоди, дай тулуп сыму... – и пошло писать...

Ярмарками – у Еремея дела самые главные. Цыгане какие-то, маклаки с красными платками шейными. Шушукуют, шепчутся, по рукам бьют. И к ночи – как помелом вымело: и гости все, и хозяин сам со двора.

Утром Дарья с ведрами выйдет – глядь, в закуте лошадь привязана. Батюшки мои, да когда ж это?

А Еремей уж тут:

– Ну, чего, как баран на новые ворота? Вчера купил...

Через два, через три дня приезжал из Моршанска старовер Капитон Иваныч. Тряс бородой козлиной, торговался, хлопал лисьим картузом об стол. Ночью уводил еремееву новопкупку.

Недолго Благовещенья посчастливилось Еремею карноухому: ночью привел целую тройку лошадей, да каких еще. Прикатил старовер, сбежались маклаки в красных шейных платках. И уж сколько тут на радостях пито было – того и не счесть.

Шум, гам, гвалт, от «собачьих ножек» дым зеленый. Один Еремей пил молча, будто только самого себя слушал. И все гуще срастались у него брови, все темнел, все чугуннел.

Старовер козлобородый с вина ярился, наскакивал на всех:

– Табашники! Накурили дьяволу-то! Ваша троица – в табаке роется! Щепотники! Зверю десяторожному служите!

Но старовера не слушали; рыжий маклак божился, что был у него в прошлом году подсед, – все рыжего совестили:

– Подсе-ед! Эх, ты, естество! Бабка-то у тебя есть, копыто есть?

Рыжий уж сапоги снимал – бабку показывать. А старовер лисьим картузом вертел под самым под носом у Еремея:

– Мошкара, мешанинишки! Да я вас со всем барахлом и с женками покушпо... Дашка, сюды! Подь сюды, говорю... – за подол поймал Дарью, облапил – и к себе на колени.

А у Дарьи ноги, как из охлопьев, подгибаются, и ни крикнуть, ни охнуть, и кого-то сейчас Еремей...

Чугунный, от тяжести очень медленный, встал Еремей, снял со стены безмен.

– Хек! – по башке старовера. – Хек-хек! – хекал, как дровосек добрый, рубил разом – за ухо карнаухое, за Дарью, за всю свою жизнь...

Одна в избе. Старовера сволокли на кладбище, Еремей – в остроге. Керосин в лампе всю ночь жгла, с головой укрывалась Дарья: жуть одолела, тоска.

А раз утром окно раскрыла: черемуха расцвела, стоит в ризке белой – белица, из монастыря вырвалась, рада-радешенька белому. И на черемухе воробьи верещат.

Как проснулась Дарья – вдруг поняла, что ведь теперь одна-одинешенька, вольная...

– Слава Тебе, Владычица, прибрала окаяшку карноухого!

Да платок бабий – долой, да косы – наружу.

– А вот не хочу за водой идти: в лес пойду... – и в лес залилась.

– Ты бы, Дарья, в остроге-то его проведала, – Дарью корила мать.

А Дарья только фыркала:

– Вот-ще, дюже мне нужно! Еще шкрыкнет чем, душегуб!

Осенью Еремея судили. Присяжные – мужики да мешчане, народ твердый. Припомнили Еремею и конокрадство, и все: закатали на каторгу.

Тут уж у Дарьи – вся тягота с плеч долой... То все еще боялась: ну-ко-сь из острога сбежит, ну-ко-сь отпустят его. А теперь дело верное. Выкинула из головы Еремея, как сор из избы.

Жизнь травяная, медленная. Думаешь – лет пять обернулось, а всего только год прошел. И уж все быльем поросло, уж видывали задонского Савоську у Дарьи в палисаднике, уж поговаривали.

И на самое на Благовещенье, когда полетели из клеток щеглы, случилось неожиданное: почтальон принес Дарье письмо.

Неграмотна Дарья, отроду писем не получала. Дождалась Савоську. Савоська ей и прочел.

«Кланяюсь вам, милая супруга Дарья Никитишна, от лица земли и до ног ваших. А еще прошу письменно прощенья за вашу жизнь, сапоги мои развалимши, и работаем босиком подземно. И погиб я, через что вы меня не призрели сердцем, и бесперечь письменно плачу и вас вспоминаю...» – а конца и не слышала Дарья, так ее пронзило письмо.

Савоська егозил, вертелся, смешки подпускал.

– Да уйди ты, ради Христа. Мне обдуматься надо, а ты...

Думала всю ночь, и неделю думала, и никак обдумать не могла.

...Сапоги развалимши... подземно... и бесперечь письменно плачу...

«Дура, ты дура: ну, какого рожна тебе надо. Унесла Владычица изверга, ну чего ты еще?»

Опять черемуха под окном расцвела, воробьи верещат – а не легче все. Ноет сердце и ноет, проснется Дарья – вся подушка в слезах...

Уговорилась Дарья с Савоськой: в воскресенье, на гулёный день, на прожитые пере-ехать к Савоське.

«Малый молодой, веселый. Переехать – и вся дурь из головы вон».

На гулёный день в тарантасе – было бы куда все дарьины манатки забрать – подкатил Савоська.

Уж у Дарьи уложено все.

– Ну, Савося, сейчас. Ты мне только письмо напиши.

Села Дарья на лавку. В окно поглядела – на край света. Пригорюнилась.

– Ну, пиши. «Любезный наш дружечка, Еремей Василич. На кого же вы нас покинули, и как жить без вас будем. А еще кланяюсь вам с любовью от лица земли и до неба, сапоги купила вчера и как есть все ночи не сплю. А еще кланялась вам...»

Послушно Савоська все, как Дарья велела, до конца писал. Написал, вслух прочел.

Как зальется Дарья, как заголосит. Голосила-голосила да в ноги Савоське:

– Савосюшка, милый! Прости ты меня, Христа ради. Не могу я к тебе поехать. Мочи моей нет, сердце изошло... В Сибирь поеду.

Дуры бабы, ах дуры! Поплелся домой Савоська в своем тарантасе один.

Евгений Замятин. 1916

Промысел Божий

При первых проблесках зари отряд из двух легких крейсеров и четырех контрминоносцев подходил к вражескому берегу. Море было тихое и спокойное. Восток не начинал еще алеть...

На ночь миноносцы, во избежание всяких передраг, когда свои легко могут сойти за чужих, а враги за своих, были отправлены в другой район моря. С зарей они должны были присоединиться к нам.

Точно, в условленный час мы были в назначенном квадрате randеву. Миноносцы вот-вот должны подойти. И действительно, опытный, вооруженный глаз вскоре различил четыре едва заметные струйки дыма, шедшие на пересечку нашего курса. Узкой светлой щелкой (чтобы на сторону не было видно) вспыхнули белые вспышки ратьера¹. Головной миноносец давал нам опознательный знак. Дымки превратились в четыре силуэта, и миноносцы, лихо разворачиваясь и серебря морскую черноту, вступили в свои места, вокруг крейсеров, для охраны их от подводных лодок.

Соединенным отрядом мы продолжали путь, держа курс на Зунгулдак. Головным шел наш милый, родной «Меркурий» под флагом контр-адмирала А. Г. Покровского – начальника бригады крейсеров, в кильватере вырисовывались стройные очертания лихого и блестящего «Кагула» под командой столь же лихого и блестящего командира флигель-адъютанта С. С. Погуляева.

Нашей задачей было разрушить угольную станцию Зунгулдака (вблизи Босфора), питавшую едва ли не всю Турцию и, в первую очередь, анатолийскую армию и германо-турецкий флот углем. Обычно подобные операции проходили под прикрытием эскадры; на этот раз прикрытия не было, так как, по агентурным сведениям, «Гебен» еще не закончил своих починок после встречи с нашей эскадрой и стоял в константинопольском доке.

Адмирал свои курсы расположил так, чтобы до зари подойти к Зунгулдаку и начать бомбардировку раньше, чем нас увидят с берега и подымут тревогу.

Но Аллах словно пытался защитить правоверный берег. Он был весь окутан завесой. Легкий береговой бриз, несший с собой запах земли, не разрывал ее, и нам приходилось ждать и «утюжить» море.

Между тем утро вступало в свои права... Мы с нетерпением глядели на берег... Что скрывалось там, за завесой? Предчувствовали ли пробуждающиеся от мирного сна люди, какой ужас таило в себе море?... Для многих и очень многих из них, шедших сейчас в этот утренний час к фонтанам своих мечетей для омовения и молитвы, это было последним утром и последней молитвой.

Но вот бриз усилился. Завеса разорвалась, забелел минарет... С «Меркурия» грянули первые выстрелы пристрелки, и с грохотом и свистом со всех пушечных жерл обоих крейсеров понесся туда ураганный огонь... Сотрясая воздух, далеко по морю разнеслось грозное эхо пальбы. Оно дублировалось и триплировалось в горах и ущельях... Туча угольной пыли нависла над местностью. В городе пожар вспыхивал целыми кварталами. В цейссовские бинокли картина разрушения видна как на ладони... Вот видно, как свернутая крыша поднялась над домом, вот загорелся парусник, один, другой, десятый. Горят рыбацьи лайбы, горят и тонут пароходы, кто носом идет ко дну, кто кормой, и нос долго торчит кверху, кто валится на бок. Вихрь дыма, земли, камней и угля. Видна лишь огромная, местами искрящаяся пожаром туча да идущие к небу черные столбы.

¹ Ратьер – особый сигнальный фонарь, не позволяющий видеть сигналы сбоку и сзади.

– Справа перископ!

«Меркурий» круто ворочает, чтобы силой винтов отбросить мину. Но... тревога оказывается ложной. То был не перископ, а... пустая гильза от снаряда.

Я спустился в радиорубку узнать новости воздуха.

Наш штабной радиотелеграфный унтер-офицер Петренко, орел по всем статьям и знак своего дела, сидит в своей каске с напряженным лицом и карандашом в руке. Делает мне знак – «тише». Карандаш нервными урывками шуршит по бумаге... Это был замечательный радиотелеграфист, маг и волшебник в своем деле. Он в неприятельских станциях и переговорах разбирался как в своих, не зная никакого решительно языка, кроме своей «мовы». Это не мешало ему к утреннему кофе преподносить адмиралу целую газету на трех языках.

Новостей никаких не оказалось. Зунгулдак бил тревогу. Звучала мощная станция «Гебена»...

Я вернулся на мостик. Там картина была та же. Бомбардировка продолжалась. Мы резко меняли хода на случай атак подводных лодок. Миноносцы рыскали вокруг нас. В амбразуре боевой рубки виднелось, как всегда, матовое, красивое лицо старшего артиллерийского офицера, лейтенанта Рыбалтовского (впоследствии геройски погибшего на фортах Кронштадта, при восстании против большевиков). Он сосредоточенно управлял огнем.

– Что нового? – спросил он.

– Ничего, дорогой. Зунгулдак взывает о помощи...

По трапу быстро поднимался Петренко. Я пошел к нему навстречу, так как мне, как старшему флаг-офицеру штаба, доставлялись все депеши.

– Так что, ВВБ², по-моему, «Гебен» в море, – доложил он мне, – я слышу близко его станцию.

– Успокойся, «Гебен» в доке; тебе кажется, что он близко, так как мы сами близко от Босфора.

Петренко ушел. Я все же доложил адмиралу об этом разговоре и продолжал свои записи.

Не прошло и несколько минут, как Петренко вновь появляется на мостике и прямо к адмиралу.

– Так что, ваше превосходительство, «Гебен» в море и приближается к нам, – убежденно выпаливает он.

– Не может быть! В штабе точные сведения, что «Гебен» в доке. Ступай!

Смущенный, но, видимо, не убежденный словами адмирала, Петренко мнет несколько секунд и спускается вниз.

«А что, если Петренко прав? Если агентурные сведения не совсем верны? Что, если «Гебен» успел починиться и вышел к нам?»...

И адмирал и все очень ценили Петренку, верили его опыту, знаниям и чуткому уху. Он не раз оказал неоценимые услуги флоту и на деле доказал свой талант.

Ведь если это так – положение осложнялось; надо было сию минуту бросать операцию и удирать. Но отчего в таком случае молчит Наморси?³ Ведь наши специальные радиопеленгаторы, установленные на Крымском берегу (аппараты нашего изобретения, неизвестные врагу), давали возможность, если враг в море и говорит по радио, определить направление его передвижения (немцы этого не знали и, находясь в море, не стеснялись в переговорах, чем и выдавали себя).

Все эти мысли роились в голове. Признаться, на душе было не сладко. Встреча с «Гебеном» грозила неминуемой гибелью. Он шутя расстрелял бы нас, как охотник чаек...

² Ваше высокоблагородие.

³ «Начальник морских сил», т. е. командующий флотом – телеграфное сокращение.

Но погреба продолжали посылать патроны за патронами. Огонь ни на минуту не ослабевал. Море из синего стало золотым от отблеска пожара.

На мостике мне доставили депешу. Подписано «Наморси». Депеша за этой подписью давалась только экстренного и боевого значения. Я бросился в рубку, к коду, расшифровывать ее... «Г»-«е» – расшифровывал я, подобрав нужный ключ и водя карандашом – «б»-«е»-«н»-«ъ» постепенно обозначалось на бланке. Подошел штурман и тоже склонился над бланком, следя за карандашом – «о»-«р»-«е»-«б»-«о»-«з» – одна за другой выскакивали буквы.

В рубку вошел адмирал.

– Телеграмма от Наморси? – спросил он.

– Так точно! «Гебен» в море, – ответил за меня штурман.

Я продолжал расшифровку – «б»-«р»-«а»... Через секунду радио было разобрано, и я подал его адмиралу. Телеграмма гласила:

«Накрейбриг⁴, срочно, «Гебен» в море. Возвращайтесь Севастополь. Наморси».

– Отбой! – коротко приказал адмирал. – Подымите сигнал «Следовать за мной».

Не успел треугольный белый флажок с синими полосками подняться до нока реи, как он был уже отрепетован на всех судах. Отряд повернул в море и, следуя за адмиралом, взял курс на Севастополь.

Впереди сверкала дивная морская даль, обрамленная синим куполом. Только небольшая тучка гуляла на нем.

Сзади – хаос разрушения, дыма и огня.

Берег все дальше уходил, но море все еще золотилось пожаром.

Дельфины веселой семьей кружились и играли вокруг кораблей, то нагоняя их, то отставая; ловкой блестящей дугой выскакивали из воды и вновь ныряли под киль.

– Ваше превосходительство! – показалась на трапе голова Петренки. – «Гебен» тут, *ноль ом!*⁵ – не своим голосом крикнул он...

И вдруг в поле зрения бинокля, обводившего горизонт, мелькнуло что-то черное. Окуляр поймал его и... застыл. Характерный раструб дыма ясно обозначился в нем.

«Гебен»!!!

Если мы увидели его, значит, и он увидел нас. Скрыться некуда. Если бы даже мы бросились врассыпную, он, все равно каждого поймал бы и потопил.

Возмездие – мелькнуло в голове.

Но какой чудовищной и невероятной показалась мысль, что вот-вот сейчас, сию минуту, среди этой чудной голубой тишины, когда так блещет солнце и так хочется жить, свершится нечто ужасное. Неужели же гибель, смерть... конец всему?.. Неужели свершится?!. Неужели через каких-нибудь 20, 30 минут наш крейсер, во всем своем стройном, одухотворенном целом, с сотнями молодых жизней, превратится вдруг в исковерканный, горящий, залитый кровью остов?

Мысли бешено мчались...

– Мама! Папа не хочет галовить глупостей, которые мама не позволяет, – вспомнилась мне смешная жалоба моего сынишки, когда мне некогда было шутить и балаганить с ним.

Неужели же я никогда, никогда не увижу их?.. Господи!.. – вот когда мысль с горячей верой обратилась к Богу...

Взглянул на лица окружающих. Тень той же душевной тоски лежала на них. Люди стояли, как в столбняке, вперив глаза в одну точку, и точка эта была – смерть.

⁴ Начальнику бригады крейсеров – телеграфное сокращение.

⁵ Непосредственная близость станции.

Минута бездействия перед лицом опасности роняет дух. Бездействие, переходящее эту границу, порождает панику.

– Поднять стеньговые⁶ флаги! – громко и решительно приказал адмирал. И точно вся суть дела и все спасение было в этих флагах.

Сигнальщики стремглав бросились к флагам...

Знакомый голос начальника, привычка ему повиноваться и эти простые слова вернули самосознание.

Огромный, парадный, Меркурьевский стеньговый флаг с Георгием Победоносцем в середине Андреевского креста развернулся над нами. И тут случилось то, чего иначе как Промыслом Божиим не назовешь.

Едва ли многими замеченное облачко вдруг огромной свинцовой тучей низко нависло над нами. Точно Господь Бог Всемогуший простер над нами свое покрывало. И разразился ливень. Да какой! Не только занесло весь горизонт, но с мостика не стало видно бака⁷...

Адмирал сразу схватил обстановку и изменил курс, взяв его в... неприятельский порт. Он правильно смекнул, что, если «Гебен» нас потеряет, – вряд ли он будет искать нас на путях в вражеский залив.

Мы легли на Синоп...

Чтобы осветить машинной и кочегарной команде обстановку и тем самым влить в них бодрость и энергию, я спустился вниз.

Как черные дьяволы работали они. Голые, блестящие от пота и угля, они ворочали белками и лили лопата за лопатой, непрерывными потоками уголь в топки, где бушевало, ревело и кипело белое, обжигавшее их пламя. Электрические вентиляторы, «вензейли», нагнетали воздух, но его не хватало, и то и дело их тела, по очереди, выбрасывались на верхнюю палубу плотнеть кислорода.

Крейсера превзошли самих себя и развили такой ход, который не давали даже на заводском испытании...

Когда дождь прошел и вновь засветило солнце, горизонт был чист. «Гебен» исчез. Но солнце стояло высоко, а все наше спасение было в темноте. Увы! До ночи было еще далеко, и мы каждую секунду могли быть вновь открыты.

Время обедать давно уже наступило, но никто не думал о нем. Нервы были слишком напряжены, и не до еды было.

Мостик, борта, мачты – все выступы были усеяны добровольными «впередсмотрящими». Рука уставала держать бинокль, глаза устали от напряжения. Начинались миражи. То тут, то там казались дымы. Раздавались выкрики «дым справа», «дым слева». Все взоры бросались туда, но это оказывалось вздором, миражем.

Мучительно тянулись минуты. Часы казались вечностью...

Ничего не знавшие и не ведавшие миноносцы были в недоумении. В чем дело?! Почему такой небывалый ход? Почему курс ведет в Синоп?.. Их не хотели тревожить...

Петренко то и дело докладывал об обстановке в воздухе. Он чувствовал себя героем дня, «орлом сто сот». Его рубка стала общим центром. Все стекались к ней. Матросские головы просовывались в иллюминаторы все с одним и тем же вопросом: «Где «Ебен?»

А «Гебен» не дремал. Потеряв нас во время ливня, он созывал к себе все крейсера и миноносцы. Чувствовалось, что он строил цепь, сквозь которую мы не могли бы прорваться.

Но вот, наконец, солнце заметно стало склоняться к западу. Адмирал решил с наступлением ночи пойти на пересечку моря, взяв кратчайший путь на Керчь с тем, чтобы с при-

⁶ Стеньговые («стенга» – верхушка мачты) флаги подымались на верхушке мачт только в высокочестные дни и перед боем.

⁷ Бак – нос корабля.

ближением к крымским берегам лечь на Феодосию и ранним утром, в дымке берега, проскользнуть в Севастополь.

Солнце совсем приблизилось к горизонту. Горнисты сыграли зорю. Прошла минута... «Смирно, флаг спустить!» Солнце скрылось за горизонтом.

Сумерки, как всегда на юге, быстро сгустились, наступила черная южная ночь...

Вздых облегчения вырвался из груди экипажа. Тут только все почувствовали, что голодны. Баки загремели, и ложки весело застучали, требуя борща и пайков.

Офицеры шумной ватагой сгрудились в кают-компанию вокруг стола. Пошли остроты, насмешки. Хотелось шампанского, но зарок не пить на походе свято соблюдался...

Ночь прошла спокойно, без всяких приключений. Как и рассчитывал адмирал, мы ранним утром проскользнули в дымке крымских берегов, а когда «Гебен» нас увидел, было уже поздно. Мы были под защитой своих линейных кораблей.

Александр Лукин. Флот, т. 1. Париж, 1934

Русский страж ночного Парижа

Ночь первая

Garde à Vous! Fix!..

Нестройный гул трехсот голосов затихает – бригадиры выходят вперед.

Часы показывают восемь и три четверти. Входит командан. За ним три инспектора в зашитых серебряными галунами фуражках.

Командан – в штатском. Безукоризненно одетый, с дорогим кожаным портфелем под мышкой.

Он начинает переключку побригадно.

...Артуа, Амонье, Бертран, Буассон,

...Карэ, Кавеньяк... Руссильон, Робинэ...

Я поправляю плечевой ремень и смотрю на своего бригадира Мореля.

У Мореля бритое бабье лицо. Он – полный и маленького роста. Ему уже под пятьдесят лет, и он выслуживает пенсию.

На рукавах и на фуражке у него широкие бригадирские галуны...

– ...Рожэ, Ренуар, Ростославоф...

– Презан!..

Я отвечаю голосом молодым и звонким, как некогда отвечал в далекой отчизне, стоя в строю юнкеров.

Переключка кончается. Командан читает приказы, перемены в составе и в секторах.

В заключение звучит его сакраментальная фраза:

– Стражники, вы свободны!..

Он забирает свой портфель и уходит. Триста человек нестройной толпой, поправляя свои кожаные сумки и револьверные кобуры, двигаются через сквер к воротам.

– Свободны! Какая ирония! – обращается ко мне Петровский. – Вот вы увидите, какая это свобода!..

Уже год, из ночи в ночь, он гуляет по улицам Парижа с 9 часов вечера до 5 часов утра...

При свете уличного фонаря я заглядываю в свою контрольную книжку:

– Сектор 27... Площадь Конкорд – улица Руаяль...

Недалеко, и мне не полагается «прогонных» на метро. Я двигаюсь пешком. Идет беспроекторный, ноябрьский парижский дождь. Блестят мокрые асфальтовые мостовые.

В сетке дождя расплываются, исчезают толпы ночных стражников. Назначенные на отдаленные сектора проваливаются в освещенные и теплые недра метро.

Я плотнее запахиваю черную, длинную, непромокаемую накидку и надвигаю на лоб фуражку с громадным лакированным козырьком. Под накидкой у меня синяя долгополая шинель сверх мундира, туго перетянутая широким кожаным ремнем. На ремне – кобура с заряженным револьвером.

Я перехожу мост.

Длинными разноцветными, качающимися на волнах змейками отсвечивают парижские огни в темных водах Сены.

В этот час Париж пустеет. В театрах уже подняты занавесы, в кинематографах осветились экраны.

Вот и площадь Согласия...

Она кажется бесконечной с убегающими во все стороны рядами фонарей, с полированной дождем мостовой, с неясными силуэтами статуй французских городов, с круглыми бассейнами не бьющих ночью фонтанов...

Прямая широкая улица Руаяль. Она заключается величественным фасадом Мадлэн...

Направо – в колоннадах – Морское министерство, налево ярко освещенные окна одного из самых дорогих отелей Парижа.

Вот угол улицы Буасси д'Англа – место, назначенное Морелем для встречи.

На угловой стене отеля две дощечки: наверху «Пляс де ля Конкорд», пониже «Площадь Людовика XVIII»... Историческое имя почему-то решили оставить рядом с новым...

– Вы уже здесь? Очень хорошо!..

Приземистая фигура Мореля на кривых, но крепких ногах появляется передо мною. Вода струями течет с его накидки и широкого козырька.

– Идем!

Морель шагает размеренно и привычно. Кажется, всю свою жизнь провел он на улицах ночного Парижа.

– Вот ваш участок, до улицы Сент-Онорэ. На домах, порученных вашей охране, прибиты вот такие дощечки.

Морель тыкает пальцем в стену. Я с должным уважением разглядываю прибитую на стене круглую, белую, эмалированную дощечку с гербом нашей стражи – двумя перекрещенными большими ключами.

«...Ключи счастья...» – почему-то мелькает у меня в голове.

– Всю ночь вы ходите взад и вперед по вашему сектору. Он рассчитан на пятнадцать минут конец. Каждый раз, придя к конечному пункту, вы отмечаете в контрольной книжке часы и минуты. Каждый раз по дороге вы пробуете на дверях замки и железные шторы магазинов. Если вы заметите что-нибудь подозрительное, вы звоните к консьержке и составляете письменный рапорт. В случае пожара – вы вызываете пожарную команду, но сами продолжаете ваш обход. В случае надобности вы свистком призываете ночных ажанов и циклистов к себе на помощь. В случае вооруженного нападения вы имеете право стрелять, но только в грудь. Выстрел в спину будет говорить против вас...

– Я не имею права остановиться и отдохнуть, господин бригадир?

– Имеете... Ровно от часу двадцати минут ночи. В это время вы можете присесть, если найдете на чем, и закусить, если предусмотрительно захватите с собою сандвич. Вы поняли все?

– Так точно – я все понял...

– До скорого!..

Он пошел проверять другие свои посты ровным прогулочным шагом, не обращая никакого внимания на дождь.

Я остался один.

Моя первая ночь на улицах Парижа началась...

Я зашагал, добросовестно выполняя все предписания Мореля.

– Новичок?! – вдруг окликнул меня насмешливый и веселый голос.

Я обернулся.

У настежь раскрытой и ярко освещенной громадной дубовой двери отеля дежурил шассер.

В пальто великолепного сукна, с золотыми галунами и вензелем на кепи двадцатилетний парень смотрел на меня с насмешливым сочувствием...

– Почему вы угадали, что я – новичок?

Шассер расхохотался.

– Во-первых, старина, ты слишком добросовестно хватаешься за все засовы и замки. Так вы все делаете в первый день вашей службы. Во-вторых, ты говоришь мне «вы», тогда как все ночные люди говорят друг другу «ты».

– «Ночные люди»?!

– Ну да... все мы, кто не спит ночью, когда весь Париж спит: ажаны, шоферы, уборщики метро, шассеры, ночные стражники, рабочие ночных экипаов, клошары и уличные девушки...

– Вы... то есть ты... ты и их считаешь в нашей компании?

– Конечно, старина! Это тоже профессия не из последних и даже гораздо выгоднее многих других...

Мне надлежало двигаться дальше, и, на мое счастье, шурша шинами, к подъезду отеля подъехал громадный «роллс-ройс». Шассер, на ходу раскрывая гигантский дождевой зонтик, бросился высаживать клиента.

Я ходил без остановки, взад и вперед. Это было довольно утомительно...

Я уже изучил каждое здание, каждую дверь на моем пути. Поворачивая за угол Руаяль, я каждый раз напевал себе под нос:

– Иду к Максиму я!..

Да! Там, за углом, был «Максим». Красный, бархатный, прилично-скромный и шикарный, всемирно прославленный «Веселой вдовой»... Как давно я уже знаю о его существовании! Как давно кануло в Лету то время, когда весь веселящийся и беспечный Петербург напевал:

«Иду к Максиму я,
Там ждут меня друзья —
Веселые певицы,
На «ты» со мной девицы —
Додо, Лозо, Кло-Кло...

...И было уже темно в театральной опереточной зале... И я проходил в ряды партера, задевая ножнами оружия за ножки кресел, садился и ждал появления на сцене несравненной, неподражаемой, божественной «Веселой вдовы» – Шуваловой...

У подъезда «Максима» стоял одинокий, высокий, пожилой швейцар в вылинявшей красной фуражке и в мешковато сидящей на нем ливрее...

Немного в стороне, положив кипу вечерних газет на мраморный круглый столик, стоял, наклоня набок непропорционально большую, яйцевидную голову в помятом картузе, маленький пожилой человек с грустными, косыми, слезящимися глазками. В легоньком летнем пальтишке, он съежился и прятал руки в дырявые карманы.

Швейцар посмотрел на часы.

– Готовься, Пико! – сказал он покровительственно-насмешливо. – Театры кончаются. Сейчас начнется...

Когда я возвращался назад – улица оживилась. Гудели клаксоны, почти сплошными рядами плыли собственные машины и такси. Торопливой рысцой бежали пешеходы к красным маякам метро.

Веселящийся Париж разъезжался по домам и ресторанам, по дансингам и ночным кабакам.

Высокий швейцар то и дело подбегал к останавливавшимся у ресторана автомобилям. Он открывал дверцы, высаживал прибывающих, ловко принимал чаевые и опускал в свои бездонные карманы монеты и бумажки. И после каждого «приема» он неизменно повторял:

– Э – вуаля...

– Энтра!.. Труаэем!.. – заливался пискливым, бабьим голосом Пико.

Он совал в самый нос газету входящим в ресторан господам, но никто на него не сердился... Он был вещью, принадлежностью «Максима», как мраморные, наружные столики, как искусственные пальмы в кадках у входа...

Дождь продолжал лить. Париж снова опустел. Теперь уже только изредка проносились по площади отдельные автомобили. Еще реже шли, спеша, опоздавшие на метро пешеходы.

У «Максима» вытянулся длинный хвост собственных машин. Их шоферы или дремали у рулей, завернувшись в дохи, или болтали друг с другом, раскуривая свои бесконечные трубки...

Из ресторана вышел высокий, представительный, замечательно породистый молодой человек. Он, по-видимому, много выпил, но совсем еще крепко держался на ногах.

Пико сунулся к нему со своими газетами. Молодой человек вырвал из рук Пико всю пачку и бросил газеты в уличную грязь.

Пико жалобно пискнул и кинулся собирать свой подмоченный товар. Кутила оттолкнул его ногой и бросил ему стофранковый билет.

– Не смей собирать! Я купил у тебя все эти газеты!

Пико был ошеломлен.

Он сдернул свой картуз и обнажил свою смешную, яйцевидную, голую голову.

– О, мерси, мосье, мерси! – залепетал он в радостном возбуждении...

Но кругом уже толпились выходившие из ресторана клиенты, шоферы и ночные рабочие, починявшие мостовую против Морского министерства. Никто из них не видал, какую сумму заплатил молодой человек за газеты...

– Грязный иностранец! – крикнул один из рабочих, с ненавистью посмотрел на кутилу и полез на него с кулаками.

Сильно нагруженный, полнокровный, коренастый француз сбросил на руки своей дамы цилиндр и черную накидку на шелковой лиловой подкладке, засучил рукава фрака и, в полном восхищении, поспешил на помощь рабочему.

– А ну-ка дай ему! – закричал он. – Они думают, что здесь они в своих деспотических королевствах, а не в свободной республике, где все равны, свободны и все братья друг другу!

Кутила остался очень доволен таким оборотом дела. Он отступил на шаг, стал в позицию и мощным ударом бросил француза на землю. За французом во фраке полетел и рабочий.

– Вот вам фратернитэ!.. – сказал надменно кутила. – И социалисты и капиталисты теперь в одной куче! А ну, еще кто?..

Но к нему уже тянулись десятки кулаков. Женщины кричали, плевали в него и улюлюкали.

– Скоты! – сказал кутила.

– Вы бы хоть дам постеснялись! – взвизгнул какой-то благообразный старичок сенаторского типа.

– Дам? – захохотал кутила. – Этих ночных фей? Держу пари, что у вас тут половина женщин не лучше этих!..

Это было уже слишком. Началось грандиозное побоище... Я вынул свисток, и резкий, пронзительный свист огласил немую тишину площади Конкорд.

Через несколько минут кутила уже был окружен циклистами и ажанами и сражение поневоле приостановилось.

– Вам придется отправиться в комиссариат, мосье! – сказал полицейский бригадир.

– Хорошо! – ответил кутила и иронически улыбнулся. – Позовите мне такси! Бригадир рассердился.

– Вы – во Франции, – сказал он, – а потому вам придется отправиться не в такси, а пешком.

Толпа снова негодуя загудела.

– Хорошо, – сказал кутила добродушно, – но, может быть, вы мне дадите ваш велосипед. Я вам его не сломаю...

– Прошу без шуток, мосье, – сухо сказал бригадир. – Но, если при вас есть бумаги, я могу вас отпустить по составлении протокола.

Кутила вынул визитную карточку и сунул ее в нос бригадиру.

Я заглянул в нее через бригадирское плечо. На ней стояло имя известного принца одного из царствующих королевских домов Европы.

Отдав свою карточку бригадиру, он окликнул проезжавшего мимо конного извозчика и отбыл в неизвестном направлении.

Пико ликовал:

– Там оставалось всего десять газет, старина!.. Из них шесть я подобрал под шумок – они еще вполне годятся для сдачи Ашету, а он дал мне 100 франков! По 25 франков за одну «Энтран»!.. Это же колоссально!!!

Ночь двадцать седьмая

Какой отвратительный климат в Париже! Вчера к утру сразу потеплело, весь день шел дождь, а сейчас ревет ветер, разрывает белые облака за Эйфелевой башней, гонит бесконечные тучи, и они снова и снова плачут над площадью Конкорд...

И Большая Генриэта, и белокурая Симонн, терпеливо ждущая моего согласия на наш «брак по расчету», жмутся под сводами галлерей, спасаясь от дождя и ветра. На клиентов сегодня рассчитывать трудно, значит – о заработке не мечтай!..

Но Симонн неожиданно улыбнулось «счастье». Ее увлек какой-то мрачного вида, высокий и худой господин в темных очках. Предварительно он подвел ее к свету фонаря и долго, словно покупая рабыню, рассматривал бесцеремонно ее лицо, фигуру и ноги.

– Симонн сегодня везет, – не без дружеской зависти вздохнула Большая Генриэта...

Я посочувствовал ее неудаче и философски заметил, что, очевидно, господин в темных очках предпочитает женщин хрупкого и некрупного телосложения...

Подвыпивший принц, повернув за угол бульвара Мадлэн, вероятно, уже забыл о Пико, а Пико будет вспоминать о нем всю жизнь...

Как легко ближнему оставить след в нашем сердце...

Уже было далеко за полночь, когда я услышал испуганный и визгливый крик Большой Генриэты. Человек в кепке и шарфе, одноглазый и со шрамом на лице, вырывал у нее сумочку и бил ее по лицу.

Из-за угла спешил на эту сцену знакомый уже мне «буржуа» с рыжими усами. Сутенер оказался его случайным помощником, так как задерживал Генриэту.

Я подбежал сзади к сутенеру и, дав ему здорового тумака, оторвал его от жертвы.

Большая Генриэта была спасена. Прижав к груди сумочку, она бросилась бежать.

Я повалил сутенера и прижал его к земле.

«Буржуа» был вне себя от негодования.

– Послушайте, черт вас побери! – завопил он, брызгая слюной. – На кой дьявол вы вмешиваетесь не в свое дело?! Сторожите себе ваши двери и окна и не суйте рыло туда, куда не следует!..

– Я защитил женщину от этого негодяя, – ответил я, осторожно выпуская апаша из своих объятий. – Это – мой долг, не только как стражника, но и как мужчины... А по какому праву вы суетесь ко мне со своими замечаниями?

– Вы мне помешали задержать Большую Генриэту. Эта развратница опять улизнула от меня...

Я насмешливо свистнул...

Он готов был разразиться новым потоком ругательств и угроз, но в это время подошел мой бригадир и он обратился к нему с официальной жалобой. Бригадир аккуратно все записал, но не сделал мне никакого замечания.

«Буржуа» удалился взволнованный...

Зайдя к себе в закутку, чтобы подбросить угля в печку, я нашел у себя новую гостью.

Бабочки летят на огонь, а в такой холод особенно...

Это была среднего роста, стройная, не по сезону легко одетая блондинка. В лице ее, красивом и немного надменном, не было ничего, что роднило бы ее по профессии с Большой Генриэтой и белокурой Симонн.

Я приложил руку к козырьку и вопросительно посмотрел на нее.

– Я сейчас уйду, – сказала она и, сняв с удивительно красивой и тонкой ножки бальную, серебряную туфельку, стала сушить ее у огня.

Английский костюм и бальные туфельки слишком не подходили друг к другу, и я невольно обратил внимание на этот контраст.

– Не удивляйтесь, – сказала она, и лицо ее скривилось в болезненно-презрительную гримасу. – Вчера они проиграли мою шубу и новые, лакированные туфли.

– Кто «они»?..

– Мой муж и его папаша... Они погубили меня и сами в конце концов кончат плохо...

– Но... почему же вы...

– Почему я на улице?

Туфля ее высохла, и она сняла другую.

– Потому, мосье, что я – уличная девушка.

Я дежурил двадцать седьмую ночь на площади Конкорд и потому уже ничему не удивлялся. И я сказал спокойно:

– Я бы вас принял скорее за учительницу английского языка, чем...

Она оживилась:

– Да? Вы угадали... Я англичанка и действительно была учительницей английского языка.

Я молчал. Я чувствовал какую-то необычную драму...

– Мой муж – итальянец и оказался негодяем и проходимцем... – продолжала она. – Мои родители были против этого брака и отказались от меня. Теперь вот уже год, как я по ночам зарабатываю им на игру, а они проигрывают и проживают все до последнего сантима...

– Но почему же вы не уйдете от них?..

– Не знаю... Не могу... Я потеряла волю... Меня надо подтолкнуть, заставить... Я понимаю, что еще не все потеряно, что я еще могла бы спастись... Но воля надломлена. Воли нет...

Говорила ли она правду? Или она только впала в то фантазерско-романтическое настроение, в которое обычно впадают эти женщины, пока они еще не окончательно огрубели.

Я посмотрел на нее с любопытством. Она вдруг вынула из сумки маленькую коробочку.

– Вы не хотите? – спросила она так, как будто предлагала мне папиросу.

– Нет! – ответил я грубо. – Я не хочу, и вы должны бросить эту гадость!.. Тогда вы будете спасены.

Я вырвал у нее маленькую коробочку, бросил ее в грязь и растоптал зловеший белый порошок своим тяжелым кованым сапогом.

Она посмотрела на меня совсем без раздражения, а скорее с интересом.

– Это стоит дорого... – сказала она неуверенно.

– Это вам будет стоить жизни, если вы будете так продолжать...

– А черт с ней, с жизнью, я ее не жалею!..

– Сколько вам лет?

– Двадцать три года...

...Вдали показался суббригадир на велосипеде. Я двинулся ему навстречу, она выскользнула за мной, и я видел, как фигурка ее потонула в тумане...

...Мне оставалось еще около часа до конца дежурства, когда у отеля остановилась необычайной мощности и редкой красоты машина.

Из нее вышел полный, представительный господин лет под шестьдесят, седой, но румяный, и, слегка шатаясь, подошел ко мне.

– Который час? – спросил он меня.

На руке у него я заметил золотые часы-браслет, но, уже привыкнув ничему не удивляться, посмотрел на свои часы и сказал ему время.

– Где еще можно пить в Париже?..

Он говорил с сильным американским акцентом.

Я назвал ему два ночных ресторана, открытых до раннего утра...

– Очень хорошо... – сказал он и вдруг, качнувшись, взялся за мое плечо, чтобы удержаться на ногах. – В таком случае – садитесь!..

– Куда?..

– Ко мне в автомобиль...

– Я вас не понимаю.

– Мы поедем с вами пить... Я хочу допивать именно с вами.

– К сожалению, не все желания исполнимы на этом свете... – ответил я. – Я на посту и освобожусь не ранее как через час...

– Ерунда... Поедем, и я заплачу за вас штраф...

– Тут пахнет не штрафом. Меня выгонят со службы.

– А сколько вы получаете?

– 32 франка в ночь.

– 32 франка?..

Он прислонился к колонне и долго беззвучно хохотал, повторяя:

– 32 франка... 32 франка... 32 франка...

Потом он вынул сигару, сунул мне в рот и попытался ее зажечь.

– 32 франка!.. Вот видите эту сигару? Она стоит две ваши ночи и плюс еще 11 франков, а ее можно выкурить в десять минут!..

– Итак, мосье, – сказал я холодно, – я уже дал вам адреса, и вы можете отправляться...

– Я поеду только с вами.

– Тогда ждите...

– Я – ждать?!!

Ждать ему в жизни, очевидно, не приходилось...

– Послушайте... Бросьте ко всем чертям эту вашу службу! Я дам вам 320 франков в сутки, и вы будете моим личным секретарем... Садитесь в машину!..

Я посмотрел на часы:

– Ровно через сорок минут, мосье, я могу быть в вашем распоряжении.

Он вдруг рассвирепел.

– Теперь или никогда!.. – сказал он угрожающе.

– Значит – никогда...

– Никогда!.. – Он заскрипел зубами в бессильной злобе, что его каприз не хотел исполнить человек, за 32 франка всю ночь стоящий на улице. – Никогда! Никогда! – зарычал он и, шатаясь, пошел к автомобилю. – Никогда! – еще раз крикнул он, усевшись, и погрозил мне кулаком.

Представительный, седой и румяный, он делал мне пьяные злые рожи...

А я стоял не шевелясь, засунув руки в карманы шинели, вызывающе улыбался и дымил его сигарой за 75 франков штука...

Мне казалось, что вся беднота Парижа участвовала в этот момент в великолепном торжестве моей несложной мести...

– Вас требует командан! – сказал мне дежурный инспектор, когда я возвратился в штаб. Я явился.

– На вас подана жалоба агентом полиции нравов...

Я молчал.

Командан посмотрел на меня и отвернулся к окну.

– Регламент, – сказал он с напускной официальностью, – запрещает стражникам отвлекаться от своих прямых обязанностей. Вы должны были только подать свисток и продолжать ваш обход...

– Я виноват, господин командан... – сказал я спокойно.

Тогда он встал и подошел ко мне.

– Я понимаю ваш поступок, капитан! – вдруг сказал он. – На вашем месте я сделал бы то же самое...

И он крепко пожал мне руку...

Евгений Тарусский. Его величество случай. Изд. «Витязь». Тяньцзинь <1939>

Господин Такси

7 марта 193...

Последнюю неделю я работал по ночам. Опытные шоферы сказали мне, что время от времени и дневному шоферу очень полезно «менять обстановку» и работать ночью. Работа «ночника» спокойнее, нервы не так напряжены. Постоянная ночная работа вредно отзывается на здоровье, но, как некоторая смена дневной, она приносит свою пользу.

– Но заметьте одно, – сказал мне наставительно ночной шофер, мой новый знакомец Джиовани, – чтобы хорошо зарабатывать, надо на двенадцать баллов знать ночной Париж... О, ночной Париж ничего общего не имеет с вашим дневным Парижем! Это – особый мир! Да! Особый мир. Его надо изучить внимательно и подробно. Больше того – надо приспособить к нему свою психологию. Ночной шофер – это Харон, перевозящий счастливых смертных в места наслаждений, адреса которых ему должны быть известны, это Пегас, мчащий сластолюбцев и чревоугодников именно туда, куда они сами несознательно стремятся...

Я не классик, но все же это сравнение ночных шоферов с Хароном и Пегасом показалось мне несколько смелым.

– Мне кажется, – ответил я, – что ночной шофер должен назубок знать адреса ночных ресторанов и значных мест – и только. Я видел в витринах легкомысленных книжных лавок маленькие, карманные путеводители «Гиды парижских наслаждений». Имея такую книжку, можно легко и быстро ориентироваться в этом вашем загадочном ночном Париже.

Джиовани иронически рассмеялся.

– Дорогой мой, – сказал он тоном профессора, поучающего желторотого птенца – первокурсника, – есть множество разных деталей и особенностей, которые, конечно, не указаны в этих ваших гидах.

– Например?

– Например?... Извольте... Надо знать, во-первых, психологию ночных седоков. Среди них, конечно, вам будут попадаться деловые люди, возвращающиеся с поздних заседаний или ночных работ. Будут игроки проигравшие или выигравшие. Будут матроны, отвозящие своих дочек с балов и вечеров, будут артисты, разъезжающиеся после спектаклей и концертов. Но все они составляют только ничтожный процент. Главная масса ночных клиентов – это люди, которые веселятся, которые видят в шофере опытного и доброжелательного гида, которые могут очень хорошо заплатить, если вы им угодите.

– Ну, в этом не так уж трудно разобраться, – заметил я.

– Положим... Но затем... Надо знать, где вам хорошо заплатят за клиентов.

– То есть?..

Джиовани посмотрел на меня с видом торжествующего превосходства:

– Вот именно – то есть... Это, батенька, очень существенная часть ночного дохода. Большинство ночных учреждений, и особенно самых значных, выдают шоферу, доставившему им клиентов, очень приличное комиссионное вознаграждение. Оно достигает зачастую шестидесяти процентов...

– Шестидесяти процентов?..

– Так точно! А потому, если, например, клиент нанимает вас в место, где вам такого вознаграждения не выдают, вы будете, простите меня, просто идиот, если вы его туда повезете...

– А что же прикажете в таком случае делать?

– Отговорить. Деликатно, умно и тактично. Сделать вид, что вы не знаете адреса. Солгать, что это заведение давным-давно уже прогорело. Наконец, просто восхвалять другое и убедить его ехать именно туда, куда вам выгодно.

Все эти перспективы мне не особенно улыбались, но все же я постарался запомнить уроки моего опытного коллеги.

И на первом же дебюте я торжественно провалился.

Я стоял у дорогого ресторана, окна которого были задрапированы тяжелым синим бархатом. После ужина две не то англичанки, не то американки вышли оттуда. Очевидно, они много выпили и были сильно возбуждены. Каждой из них на вид можно было дать не более тридцати, были они белокуры, высоки, стройны и своеобразно интересны. Были похожи друг на друга.

В руках у одной я заметил этот самый гид, о котором я говорил Крюкову. Одна из них, стараясь не смотреть мне в глаза, ткнула пальцем в какой-то адрес.

Я привез их на указанную улицу и остановился у... подъезда, в глубине которого красноречиво висел розовый фонарик.

Они приказали мне их подождать и храбро вошли в подъезд.

Девушки имели очень приличный, буржуазный и даже аристократический вид. В России мы таких обычно в шутку называли «перевоспитанными». Принадлежность их к хорошему пуританскому обществу была несомненной. И такое, слишком повышенное, любопытство ко всем достопримечательностям Парижа со стороны этих туристок показалось мне прямо чудовищным.

– А тебе, старина, попались выгодные клиентки! – сказал мне, не без зависти, француз-шофер, стоявший также у подъезда. – Смотри не проворонь! На таких можно заработать!

В это время они вышли. Лица их были недовольные, капризные и разочарованные. Они подошли ко мне вплотную.

– Здесь совсем неинтересно! – сказала одна из них тоном недовольно-интимным. – Мы были бы вам очень благодарны, если бы вы показали нам что-нибудь более захватывающее... Мы слыхали, что в Париже...

Я беспомощно посмотрел на их возбужденные, подурневшие лица.

– Но что именно вы хотите, мадам?

Тогда одна из них наклонилась к моему уху, обдав меня ароматом дорогих духов и парами шампанского, прошептала несколько слов.

Желание ее было столь цинично и бесстыдно, что даже шофер Жорж, мое второе «я», приготовившийся ко всему самому неожиданному, покраснел и растерялся.

– Ну?... Вы не знаете?... – нетерпеливо сказала другая и посмотрела на счетчик. – Тогда мы вас отпустим и возьмем другого.

Они расплатились со мною и подошли к шоферу, только что мне позавидовавшему. Он выслушал их почтительно и без малейшего смущения и открыл дверцу такси.

Проезжая мимо меня, он весело помахал мне рукой – не то в знак благодарности, не то пренебрежения.

– Пусть неудачник плачет! – пропел я ему в ответ...

Я поплелся вперед без цели, задерживаясь ненадолго у подъездов кабаков и кабаре. Порой обрывки цыганских романсов и аккорды гитар долетали до моего слуха.

У одного из кабаре меня остановила уже не молодая, но еще довольно красивая, хотя и сильно располневшая женщина. Одета она была кричаще-богато. Лицо ее было растеряннo и взволнованно.

– Я беру вас на часы, – заявила она. – Мы пообедем с вами ряд ресторанов и кабаре.

По-французски она говорила плохо, пересыпая свою речь испанскими словами.

Трудно было догадаться о смысле ее объезда. У каждого кабака она останавливалась на пять – десять минут и выходила оттуда еще более взволнованной и огорченной. Иногда испанские ругательства слетали с ее слегка поблекших уст.

В одном из кабаре она задержалась дольше, чем в других. Шассер вынес мне по ее приказанию дюжину устриц и бутылку шампанского...

Вскоре она вышла сама, слегка пошатываясь. Глаза ее блуждали.

– Кажется, мы с вами, наконец, попали на след! – сказала она мне, как будто я был так же заинтересован в ее поисках, как и она сама. – Теперь, мой друг, как можно скорее в «Ликующую устрицу». Он был сегодня здесь и собирался приходить туда.

Но из «Ликующей устрицы» она вышла далеко не с ликующим, а с совершенно убитым и гневным лицом.

– Представьте себе, – опять обратилась она ко мне, – здесь он действительно был, но далее его следы опять теряются. Лакеи и шассеры клянутся, что они не знают, куда он потом направился!

Она грустно помолчала, потом спросила:

– Сколько заведений мы уже объехали?

– Мест двадцать, мадам... – ответил я, сочувственно посмотрев на нее.

– А сколько еще в Париже таких кабаре?

– Невозможно сосчитать, мадам...

Она взглянула на маленькие часики-браслет, безвкусно усыпанные крупными бриллиантами.

– Послушайте... Я устала...

– Прикажете отвезти вас домой, мадам?

– Да, домой... Но прежде остановитесь у какого-нибудь самого простого бистро. Мы выпьем с вами пива.

– Пива?..

– Да, да – пива. Так всегда заканчивал наши ночи Миккей...

Она искала какого-то Миккея!..

Я остановился у мрачного ночного бистро, где-то за площадью Аббесс. Мы вошли и заняли столик.

Сонный апаш у стойки, жалкая пародия на довоенных парижских апашей, посмотрел не без вожделения на мою спутницу и не без враждебности на меня.

Но он был, как сказано, только жалкой пародией, и вряд ли у него имелся даже нож, не говоря уже о револьвере, а потому взгляд его меня не испугал.

Хозяин подал нам бутылку пива. Испанка залпом выпила два стакана. Ее, видимо, мучила жажда.

– Мы должны найти Миккея во что бы то ни стало! – сказала она. – Я очень рада, что встретила такого шофера, как вы. Я очень довольна вами. Приезжайте завтра за мною, и мы снова начнем наши поиски.

Она вынула деньги, чтобы заплатить за пиво, и была очень удивлена, когда я опередил ее и заплатил сам.

– Но ведь я же вас пригласила? – сказала она, изумленно посмотрев на меня.

– Я имею обыкновение платить за дам, в обществе которых я нахожусь, – ответил я, сам мысленно над собою издеваясь.

Но надо было быть последовательным, и, когда я привез ее в ее отель на площади Вандом и она протянула мне две стофранковки, я вернул ей одну и сказал:

– Это за шампанское и за устрицы, мадам! Вспомнив обо мне, вы доставили мне большое удовольствие.

Затем я церемонно поклонился ей и, вскочив «на облучок», дал ход машине. Ночной швейцар почтительно ждал, пока она с изумлением, как на настоящего сумасшедшего, смотрела на меня.

Возвращенную мною стофранковку она машинально сунула в руку консьержа.

Она имела все основания изумиться. Ведь она воображала, что перед нею ночной шофер Жорж, и, конечно, не подозревала того, что имела дело с полковником Елыниным...

Евгений Тарусский. Его величество случай. Изд. «Витязь». Тяньцзинь <1939>

Вокруг света

1

Заседание Лондонского географического общества подходило к концу. Резюмировав прения, председатель обратился к сидевшему в первом ряду Филеасу Фоггу с торжественным вопросом:

– Мистер Фогг! Итак, решаетесь ли вы, после всех поставленных вам условий, на путешествие вокруг света в восемьдесят дней без новейших способов передвижения?

– Да, сэр, – невозмутимо ответил Филеас Фогг, не вынимая сигары изо рта.

– Вы обязуетесь не говорить за все время путешествия ни на каком языке, кроме английского?

– Да, сэр.

– Вы согласны на маршрут, выработанный в настоящем заседании и включающий в себя: Сан-Сальвадор, Мексику, Калифорнию, Сандвичевы острова, Японию, Китай, Индостан, Аравию, Тунис, Гибралтар, Лондон?

– Да, сэр.

– В таком случае, мистер Фогг, срок на премию в 500 тысяч фунтов начинается с завтрашнего утра в 10 часов 30 минут по Гринвичу. Объявляю заседание закрытым.

2

Мистер Фогг сидел на корме огромного океанского парохода в длинном лонгшезе, положив для удобства одну ногу на пароходный компас, и читал газету. Через 5 часов 25 минут после отхода он заметил, что около него вертится какой-то незнакомец и старается заговорить.

– Послушайте, джентльмен, – проговорил наконец Фогг, прочитав газету до конца и убедившись в последней строчке, что редактор газеты не переменялся. – Я вижу как будто, что моя личность представляет для вас исключительный интерес?

– Вы угадали, сэр, – ответил незнакомец на плохом английском языке. – Я хотел вам предложить свои услуги, сэр. Я все могу, сэр.

Филеас Фогг, который ничему не удивлялся уже 23 года, не удивлялся с тех пор, когда его бросила жена, бежавшая с одним полярным путешественником, был несколько изумлен предложением иностранца. Он докурил сигару, внимательно следя за ее пеплом, и сказал наконец:

– Я не знаю, что вы можете, милостивый государь. Но надеюсь, вы не сапожник и не авиатор в одно и то же время?

– На этот раз вы не угадали, сэр, – спокойно возразил незнакомец. – Я именно и сапожник и авиатор одновременно. Если же вам, сэр, нужен, кроме того, машинист на пароходе, повар, шофер, плотник, прачка, скрипач, артиллерист, официант, переписчик на машинке, чертежник, землемер, печник и дровосек, – то я тоже к вашим услугам.

– Не исключая фотографа? – спросил озадаченный Фогг.

– Разумеется, не исключая, сэр, – быстро согласился незнакомец. – Фотография сама собой подразумевается. О ней не стоит упоминать так же, как и о гравировке по меди, которую я знаю в совершенстве.

– Так, – задумался, нахмурившись, Филеас Фогг. – Это превосходно. Подобные специалисты, не спорю, особенно полезны в кругосветном путешествии. Но... кто вас может рекомендовать?

– Прежде всего, – я сам. Ну а кроме того, все правительства всех стран, сэр, – ответил незнакомец, забираясь рукой в карман и доставая оттуда пачку бумаг. – Вот, извольте взглянуть: здесь, на этом документе, 35 виз. На другом, будьте добры убедиться, 48. Итого 83. Далее: короткое путешествие с 14 визами. Это прогулка в одну дачную местность, в окрестности. Затем: легитимация, сертификат, карт д'идантитэ, дозвола на живот...

– Достаточно. Разрешите узнать вашу национальность и имя?

– Что касается национальности, сэр, то она ясно выводится из предъявленных вам документов: в них определенно значится, что я подданный великой Горской республики. А имя мое, сэр, Иван-Петров-Заде-Ага. Это довольно длинное имя, правда; я сам иногда бываю им недоволен. Но никто не мешает вам, сэр, для простоты обозначения называть меня кратко: Паспарту.

– Я беру вас! – твердо произнес Филеас Фогг, подумав 3 минуты 18 секунд. – С двенадцати часов вы находитесь у меня на службе, мистер Паспарту.

3

В Сан-Сальвадор пароход прибыл днем. Сойдя на пристань, Филеас Фогг обратился к носильщику с просьбой отнести вещи в автомобиль лучшего отеля. Но носильщик не понимал.

– Эти парни лопочут не то по-португальски, не то по-испански, – рассердился Паспарту. – Погодите, сэр. Я сейчас отыщу настоящего туземца.

Он взобрался на стоявший у пристани ящик, сложил ладони в трубку и зычно крикнул на непонятном Филеасу Фоггу наречии:

– Господа! Э-эй! Кто из вас тут земляки? Иван Иванович, Михаил Степанович, Сидоров, Карпов, отвечай!

– Я, Федоров! – послышался радостный голос одного из грузчиков. – Здравствуйте, земляк. Вот приятная встреча!

Иван-Петров-Заде-Ага облобызался на глазах у удивленного Филеаса Фогга с Федоровым, расспросил его обо всем и уверенно повез своего патрона в отель, указывая достопримечательности местности и ту вершину, которую впервые увидел с моря Христофор Колумб.

– На каком языке вы объяснялись с вчерашними рабочими? – спросил Филеас Фогг на следующий день Паспарту, когда тот, заменив больного гостиничного шофера, вез своего патрона в окрестности города.

– На туземном, сэр, – отвечал Паспарту. – Здесь живет одно старое уцелевшее племя, и я на досуге изучил его язык. Не угодно ли, между прочим, вам, сэр, заехать в гости к одному из этих туземцев?

– Я очень рад, что взял вас на службу, Паспарту, – величественно произнес Филеас Фогг. – Везите меня к туземцам. Вы незаменимы, Паспарту.

– Не то еще будет, сэр, – скромно потупив глаза, ответил Иван-Петров-Заде-Ага.

4

Колонисты встретили земляка радостными расспросами. «Откуда? Как? Почему?» Паспарту усадил Филеаса Фогга у стола и стал рассказывать о том, сколько ему за последние годы пришлось испытать мытарств.

– И теперь, видите, служу у этого рыжего болвана, – закончил он свое повествование, показывая пальцем на Фогга, который в ответ торжественно кивнул головой. – С жиру взбесился от своих стерлингов, поехал осматривать земной шар.

– Дурак, – грустно согласился седой полковник, хозяин избушки. – Я понимаю еще интерес к разным частям света, когда нужно устраиваться. Но имея деньги и отечество... Осел!

– Вы слышите, сэр? – спросил Паспарту Филеаса Фогга. – Туземцы вас приветствуют.

– Передайте им мою благодарность, Паспарту, – прочувственно ответил Филеас Фогг. – Я очень тронут.

И он снисходительно стал осматривать внутренность хижины. Ему понравились вышивки крестиками, которые делают своими руками туземки Сан-Сальвадора. Он внимательно разглядывал изделия из местного дерева в виде мундштуков, корзиночек, табакерок. Он купил даже на память одну коробочку с узорами, выжженными по дереву очень искусно и со вкусом. Уезжая в город, он благодарил туземцев и спросил Паспарту, указывая на стоявший в углу вылепленный из местной глины бюст Пушкина:

– Это что такое?

– Их бог, – спокойно ответил Паспарту. – Если вы им оставите десять фунтов, сэр, они целый год будут покупать благовонные травы в виде папирос и курить перед богом фимиам в вашу честь.

5

Мексику и Калифорнию путешественники миновали благополучно. В Калифорнии, впрочем, на железной дороге произошла однажды задержка, так как через поврежденный водою мост машинист не хотел вести поезд.

– Паспарту, мы опоздаем, – грустно сказал Филеас Фогг, заглядывая в карманный календарь. – Что нам делать, Паспарту?

– Не беспокойтесь, сэр, – ответил Петров-Заде-Ага. – Я на этой станции познакомился с одним индейцем по имени Голопупенко. У него есть несколько верных товарищей... Если вы хорошенько заплатите, они высадят машиниста и сами перевезут нас на ту сторону.

Филеас Фогг согласился. Деньги были уплачены, время было выиграно.

По Тихому океану почти до самых Сандвичевых островов плыли благополучно. Только за день до прибытия к островам захватил сильнейший шторм, и повара так укачало, что никто не решался попробовать приготовленного им в состоянии болезни супа.

Филеас Фогг был в унынии.

– Дорогой мой, – сказал он Паспарту, – если я не съем сегодня супа, я потеряю 152 калории. Нельзя ли предотвратить это несчастье?

Паспарту думал недолго. Пошел на кухню, уложил повара на кровать, сам приготовил борщ. Борщ вышел на славу, и даже капитан судна приходил к Филеасу Фоггу и спрашивал:

– Где вы достали такого золотого человека, сэр? Он – англичанин?

– Почти, – уклончиво ответил Филеас Фогг. – Я отыскал его на предгорьях одной из английских колоний.

6

В Гонолулу мистер Фогг был поражен не на шутку. Когда пароход ошвартовался, Паспарту, стоявший у борта, вдруг вскрикнул и яростно замахал платком.

– Петя, ты? Не может быть!

– Ваня! Какими судьбами?

– Из Калифорнии вокруг света еду! А ты как здесь? С каких пор?..

– Из Феодосии – прямо. Ну и сюрприз! Как жена удивится! Ты один? Слезай скорее, сходни поставили!

– Паспарту, – сказал Филеас Фогг, трогая за плечо Ивана-Петрова-Заде-Агу. – С кем вы беседуете?

– С туземцем, сэр, – ответил радостно Паспарту. – Мы с ним большие приятели. Быть может, хотите, сэр, опять посмотреть, как живут местные жители?

– Я согласен, – задумчиво ответил Филеас Фогг, с завистью глядя на Петрова-Заде-Агу. – Но скажите, пожалуйста, Паспарту: вы не совершали раньше двадцати или тридцати поездок вокруг света?

– Девятый год непрерывно езжу, сэр, – скромно ответил Паспарту. – У нас тоже ведь, как и у вас, есть географическое общество... Только число действительных членов в нем чересчур велико: два миллиона человек, не считая родственников.

Филеас Фогг вздохнул. Он не понимал до сих пор, кто же такой, наконец, этот загадочный Паспарту. Но сознаться в незнании того, где находится Горская республика, Филеас Фогг не мог. Для этого он был слишком известный географ.

7

С Паспарту Филеас Фогг ехал, к сожалению, только до Китая. В Шанхае в одно прекрасное утро, получив жалованье за месяц в размере 300 фунтов, Паспарту вдруг исчез, оставив Филеасу Фоггу записку, в которой говорил, что покидает патрона, обещает зайти к нему в Лондоне на квартиру и объяснить там подробно причину ухода. Филеас Фогг впал в уныние. Он так привык к Паспарту, к его обширным знакомствам на земном шаре, к его умению объясняться со всеми туземцами, расспросить, по какой улице идти, за какой угол завернуть, что вначале на почтенного географа напала хандра. Однако до конца срока оставалось всего 47 дней.

Кое-как поборов уныние, Филеас Фогг проехал в Бомбей, оттуда на слонах и верблюдах в Мекку, добрался до Порт-Саида, перекочевал в Тунис и через Гибралтар вернулся в Лондон ровно через 80 дней, считая и один пропущенный день из-за вращения земли вокруг собственной оси.

Било 10 часов 30 минут по Гринвичу, когда в зал заседания Лондонского географического общества открылась дверь, и на пороге появился Филеас Фогг...

8

В тот же день мистер Фогг случайно встретил Паспарту на Даунинг-стрит.

– Паспарту, вы?

– Я, сэр.

– Каким образом? Давно?

– Уже около месяца, сэр. Открыл здесь лавку, обзавелся квартиркой. Женился, сэр. Все благодаря вашему жалованью, большое спасибо.

– Паспарту!.. – побледнел Филеас Фогг, схватывая Петрова-Заде-Агу за руку. – Как же так? На месяц раньше меня? Почему вы бежали от меня, Паспарту?

– Сэр, – искренно произнес Паспарту, пожимая руку джентльмена, – не сердитесь. Но скажу вам правду: уж очень вяло плелись мы с вами по земному шару. Члены *нашего* географического общества, сэр, не привыкли к такой медлительности!

А. М. Ренников. Незванные варяги. Париж, 1929

Гроза

У самого южного края Охридского озера на скалистом массиве стоит монастырь Св. Наума. Храм из камня, точно продолжение скал, вокруг – тяжелые стены монастырской ограды, и по обе стороны склонившийся к подножию лес, ущелье Черного Дрима, суровые горы за ним.

Беспощадная ирония истории не оставила без своей гримасы и это священное место. Как оказывается, особенного благополучия монастырь Наума достиг в эпоху владычества турок. Грабя православное население, турки смиренно являлись сюда, просили у христианского Бога помощи и отдавали Ему часть награбленного достояния христиан. В этом не было, конечно, ни кощунственной насмешки, ни низкого желания задобрить чужого Бога. Просто врожденная восточная честность подсказывала грабителям, что ту долю, которую христиане должны были уделять из своего имущества на Божий дом, нужно обязательно отдать по назначению; и тогда остальным награбленным можно распоряжаться уже с чистой совестью, с чувством исполненного священного долга.

Это как будто необычная логика... Да. Но разве европейцы хотя бы в такой турецкой пропорции воздают «богови – Богу»? Судя по приобретению краденой церковной утвари из советской России, – увы!

Игумен приглашает нас отобедать у него в монастырской трапезной. Обед будет в двенадцать часов, а теперь десять. Разбившись на группы, мы спускаемся к пляжу. Здесь ровная чистенькая дорога, обсаженная деревьями, пологий, уютный берег. Как будто европейский заглохший курорт, а не граница с дикой Албанией.

Обсудив технику предстоящего купания, публика начинает расходиться в разные стороны. Я спускаюсь на мелкий гравий, у самой воды, смотрю, как движутся у края прозрачные языки волн, сообщающие берегу невинные албанские сплетни. Сзади экскурсанты хрустят песком и камнями.

– Вы любите волны? – слышится голос Букетовой.

– Да, – мягко отвечает профессор-математик. – Я в университете два года специальный курс о волнообразном колебании читал.

– Ведь волны – жизнь. Не правда ли? Все в мире – волны. И нет возможности найти общий закон для них – буря, лепет, злоба, радость... Все так разнообразно!

– Собственно волны бывают или поперечные, или продольные, – деликатно поясняет профессор. – Но, конечно, вы правы. Интерференция, различие амплитуд, фаз. Все это осложняет картину...

А недалеко от меня, на камнях, один из экскурсантов ведет с дамой грустную беседу о смысле жизни. О, неисправимый русский интеллигент! Опять! Сколько умных мыслей ты высказал уже о жизни и как мало умной жизни оказалось в твоих мыслях!

Мы лениво лежим на песке возле устья Черного Дрима. Солнце парит. Воздух смирился. И только его знойная дрожь мутит, колеблет далекий берег.

На нас ничего нет, кроме шляп. Впрочем, у профессора на носу в придачу пенсне. Долгое время молчим. Леню говорить, леню думать, даже в воду идти леню... Со стоном удовлетворения профессор переворачивается со спины на грудь, поправляет пенсне, блаженно смотрит в даль озера.

– Николай... – Ну?

– Это Албания там? – Да.

– А здесь?

– Сербия.

Молчание. Волны плещут. Какая-то рыба взметнулась в воздух, грузно шлепнулась, оставила кольца.

– Николай... – А?

– А Албания разве не сербская теперь?

– Нет.

– А чья?

– Ничья. Своя.

– Суверенная?

– Не иначе.

Молчание. Как пышет жаром песок! И как ослепительны скалы!

– А Тарнополь сейчас чей, Николай? Чехословацкий?

– Польский, наверно.

– Польский... А Черновицы?

– Румынские.

– Обожгло, кажется... Горит. Как трудна стала география! Ты можешь назвать теперешние границы в Европе, Николай?

– А ну их к черту!

После купания обязательно нужно выстирать косоворотку, которую я уже четвертый день ношу, не надевая под нее ничего. Время, конечно, терпит. Солнце горячее – высохнет быстро. Несколько раз мы втроем вылезаем на берег, ложимся, идем снова в озеро, опять ложимся.

– Как вода? – слышится бодрый голос сзади. К нам подходят наши офицеры – матросы с баржи. На ходу раздеваются, шумно бросаются в воду. И потом располагаются на песке, рядом.

– Вы какого полка?

– Александрийский гусар.

– Галлиполиец?

– Да...

Он рассказывает затем. Грустно, но просто, без жалобы. И подробно – ведь так редко видит своих! До последнего времени служил в пограничной страже. Наших было много по всей границе. От Гевгели до Битоля – ингерманландцы, в районе Ресани – новгородские драгуны, у Охрида – александрийцы – «бессмертные», у Струги – одесские уланы... Как жилось? Тяжело. Их «чета» была расположена здесь, в горах. Разделялись на 9 караулов, на расстоянии 3 километров друг от друга. Ночевали в полуземлянках, сооруженных собственными руками из бревен и камня, пищу получали на лодке из Струги, зимой бывали отрезаны. Изредка случались, конечно, перестрелки. Но большей частью – тихо. Тоска. Летом грозы и ливни, зимой навалившийся на землянку снег, занесенные тропы. И ничего ниоткуда. Что на свете? Что в России? Кто что делает? Скоро ли возвращение?

Когда нет мыла, белье хорошо стирать, протирая его чистым прибрежным песком. Я проделал так раза два, всполоснул и разложил рубашку на солнце. Через десять минут будет готово. Но что это?..

– Куда вы? Полковник!

– Бегу... На баржу... Буря сию минуту! Полковник-матрос схватывает с песка пояс, мчится на пристань. Там, на албанской стороне, действительно что-то неладно: дымят ущелья. Из-за ближайшей горы показалась одутловатая туча, посмотрела на озеро, сверкнула молнией, полезла к солнцу. И через несколько секунд помутившееся небо пробурчало вверх:

– Гр... гр... гррро...

– Скорее, Володя! – торопливо одевается Николай Захарович. – Шквал надвигается. Видишь?

– Погоди... Где мой носок? Потерял носок, Николай!

Профессор беспомощно вертится на месте, смотрит по сторонам, шарит глазами.

– Какой носок?

– Второй!

– Да оба же у тебя на ногах!

– Оба? В самом деле!.. Оба. Но как мы теперь вернемся в Охрид? Неужели ночевать придется?..

Они уже оделись, зашнуровали ботинки. А я сижу, широко раскрыв глаза, и смотрю с ужасом на рубаху.

– Не высохнет!

Да и где высохнуть? Солнце покрылось мутной вуалью. Еще минута – мохнатое животное, ползущее по небу, совсем потушит огонь. А вблизи уже качнулись вершины тополей возле дороги... Взвилась пыль... Белый столб...

– Господа! Подождите меня!

– Чего же не одеваетесь? Живенько!

– Рубашка мокрая! Не могу!

Хочется плакать. Зачем с нами поехали дамы? Всегда осложняют путешествия!

Ветер ударил по уху свистящей пощечиной. Толкнул туловище, дернул одну ногу, другую и, сорвав с головы албанскую шапочку, понесся с нею к Галичице. Обыкновенно, когда в многолюдных городах мне приходится по улицам гоняться за шляпой, я всегда снисходительно улыбаюсь, будто выиграл небольшой куш в лотерею. Но буду я еще улыбаться на берегу Охридского озера! С бранью и криками бегу по песку, бросаю вдогонку в шапку камнями, стараюсь забежать вперед. И когда, злобно пристукнув ее каблуком, беру в руки, держу крепко, точно хищную птицу, и возвращаюсь назад – рубашки нет.

Среди тревожных волн и вспененных барашков замечаю, наконец, у берега ее уродливо вздутую спину, беспомощно разбросанные руки утопленника. Подхожу к воде, вылавливаю, горестно смотрю вдаль – и снова удар.

Впереди, по озеру, треща мотором, проносится наша баржа. Ее уводят сюда, в камыши, где не угрожает опасность разбиться. Но вместе с нею рушится последняя надежда.

Увезли пальто!

После обеда капитан заявляет, что, если буря в продолжение двух часов не пройдет, нам придется заночевать: баржу опасно выпускать в такую погоду. Признаков уменьшения бури, однако, нет. В окно трапезной, где мы сидим по окончании обеда, видно озеро. И что делается! Внизу, под стенами, скалы точно схватились врукопашную со взбешенной водой. Грохот камня, фонтаны, пена, брызги, за ними – в беспорядке гребни, зеленая мрачная даль, вся в дрожащих цветах, белых, пушистых.

А внутри трапезной – жужжание голосов, детские выкрики, звонкий смех. Все о чем-то говорят, разбились на группы. Генерал – о кругосветном плавании, о Цейлоне. Лев Михайлович – об общественных идеалах в истории. Художники спорят: один ли мастер расписывал храм, или их было три? А председатель ведет с одной из охридянок мистическую беседу о спиритизме.

Я давно замечал, что наш председатель питает к спиритизму особую слабость. Человек он высокообразованный, профессор, писатель; ему, слава Богу, отлично известно, как ответственно связь миров посюстороннего и потустороннего. А вот увидит дрянной трехногий стол с покоробившейся крышкой и теряет самообладание. Почему у них, у спиритов, обязательно стол? Мне всегда вчуже обидно за Наполеона, Александра Македонского, Помпея. Прославиться, прогреметь, завоевать чуть ли не полмира... И потом забраться в территорию

жалкого столика, вертеться на одной ноге, постукивать. Стоило ли для этого жить? А в особенности – умирать?

– А вы кем были? – допытывается у охридынки председатель.

– Куртизанкой. Во времена Нерона.

– В самом деле? Хорошо помните детали?

– О да. Часто вспоминается, например, пир... один. Я, вся в белом... В венке... В руке бокал... А сбоку возлежит Сенека.

– Влюбленный или так?

– Неравнодушный... Немного. В этот вечер как раз познакомилась впервые с Нероном.

Несколько раз подходил, шутил, разговаривал...

– Сами тогда скончались? Или насильственно?

– О, не вспоминайте. Конечно, насильственно.

– Да, что уж подделаешь... Такие времена были. Распяли, должно быть?

– Нет. Хуже. Зверям бросили.

– Эх-хе, – вздыхает председатель. – Много есть, друг Горацио, и так далее... А знакомых из римского периода встречаете теперь, в этой жизни?

– Одного только мельком видела. Давно, в Петербурге... На Невском прошел мимо и скрылся. В форме почтово-телеграфного чиновника. Раньше, помню, звали Марк Публий Порций. А какая сейчас фамилия – неизвестно.

Еще не высохшая рубашка заставляет меня держаться в стороне от дам. Смотрю сначала в окно на бурю, затем рассматриваю «Страшный суд» на стене. Какая македонская наивность в символике! Лежит господин на кровати, умирает, как видно. Вокруг пустые бутылки, сласти, фрукты, соблазнительные женщины... Все, что было раньше, при жизни. А теперь дело дрянь: дракон выпустил когти, норовит вырвать глаз; крокодил схватил зубами одеяло, подобрался к ноге; черти стоят поодаль, щелкают челюстями, ожидая момента выхода души из тела...

Какого века картина? Византийская? Ренессанс? Написано яркими красками... Как будто даже напечатано. Ба! Неужели? «Сытин. Москва. Дозволено духовной цензурой».

Сытинский страшный суд приводит в радостное приятное настроение. Отхожу, умиленный, от грешника к играющим в углу детям, хочу приласкать малышей, позабавить.

– Тебя как зовут?

– Володя...

Он смотрит на меня снизу пытливо, раскрыв любознательный рот.

– Хочешь, покажу тебе фокус?

– Хоцю!

– Ну так вот... Принеси мне со стола ножик, и я тебе отрежу ухо.

– Н...нет!

Лицо его сразу вытягивается. Нижняя губа отвисает.

– Как нет? Тащи. Сначала отрежу, а потом приставлю. И больно не будет.

– Н...нет... Не хоцю...

– Ну вот еще: не хоцю! Я тебе гарантирую, что ухо прирастет, когда скажу «три». Не бойся.

– Н...не...

Он смотрит по сторонам, где мама. Глаза усиленно моргают. Под носом что-то сверкнуло влагой.

– Ну, не хочешь принести, я тогда сам. Подожди-ка минутку... Сейчас.

– Ааааа!

Отвернувшись в сторону от взглядов сердитой мамы, у которой в коленях бьется ревушая голова, я виновато сажусь за стол и грущу: как, в общем, трудно завоевывать детские

души! Я-то, правда, никогда не имел с ними дела. В России даже недолюбливал: мешали работать. Но теперь, в беженстве, когда кругом вся Европа мешает, что может прибавить своим криком малыш?

Через полчаса он снова один. Сидит в углу, мирно раскладывает обрывки бумаги.

– Володенька!

Поворот головы. Страшный испуг:

– Аааа!..

– Хочешь прозрачный камешек? На, возьми!

– Аааа!..

– Ну, иди, я расскажу тебе сказку... Про чертика.

– Ааааа!

– Ду-рак!

Чтобы отомстить Володе и заставить его пожалеть о пренебрежении ко мне, я собираю вокруг себя других детей и объявляю, что буду рассказывать македонские сказки.

– Только чтобы было очень страшно, хорошо? – просит Шурочка.

– Про большевиков, – солидно добавляет Вася.

– Я расскажу вам легенду о том, почему на Охридском озере каждый день бывает буря, – медленно начинаю я, напряженно стараясь в эту минуту создать для Македонии народный эпос. – Дело, видите ли, в том, что... в некотором царстве, в некотором государстве... Между небом и землей...

– В Константинополе? – подсказывает Миша.

– Нет, не в Константинополе, а здесь, возле озера, на земле, жил старик в одном селе. И, кроме того, три девицы под окном пряли поздно вечерком.

– Ну? – интересуется Шурочка. – Дальше?

– Ну и вот, – бодрее продолжаю я, придумав, наконец, тему, – ну и вот, пока этот старик жил и три девицы пряли, около озера на вершине горы Галичицы стоял огромный-преогромный прозрачный замок, в котором обитала прекрасная фея. Красота этой феи была удивительная: лилейная шейка, коралловые губки, жемчужные зубки, атласная кожа, шелковистые волосы... И богата она была так, что ни словами сказать, ни пером описать, а определить можно только в отделении статистики: и кукуруза у нее была, и пшеница, и рожь, и овес, и черешни, и груши, и яблоки...

– И апельсины?

– Нет, апельсинов не было. Не перебивай. Фея славилась, однако, вокруг не только как богатая и красивая невеста. Она была также очень хорошая, трудолюбивая хозяйка. Все окрестные жители знали: если с горы поднимаются облака и тучи застилают небо, значит, фея готовит во дворце обед. Протянется по небу радуга, значит, фея стирает белье, скоро будет развешивать простыни. Бегут с Галичицы весенние мутные ручьи – это фея моет во дворце полы...

Прослышали, наконец, про прекрасную фею, про ее красоту, про богатство, про хозяйственные качества четыре витязя на юге, севере, востоке и западе. Звали их – Махмуд, Милош, Стоян и Ахмет. Оседлали витязи коней, опоясались мечами и отправились.

– Будь моею, о фея! – сказал под северным окном дворца красавец Милош. – Я тебя буду лелеять и холить, буду заботиться, любить, защищать. Ты согласна выйти за меня, о прекрасная?

– Согласна, – отвечала фея.

– Фея, фея, – говорил под восточным окном страстный Стоян. – Я без тебя не могу жить! Днем, и ночью, и после обеда, я всегда вижу тебя во сне! Будь моею, о фея! Будь моею женою, прелестная!

– Отчего же... – сказала фея.

– У меня в гареме много фей, – восклицал под южным окном горячий Махмуд. – Но такой феи, как ты, не найти днем с огнем, с фонарем! Ты будешь моею, не правда ли, о звезда востока, и запада, и меридиана?

– Буду!

И в ответ на свои любовные речи Ахмет тоже получил из западного окна ответ:

– Да.

Что было делать четверем женихам-витязям? Слезли они с коней, потолковали как следует и решили сразиться. Сначала попарно, потом трое против одного, затем один против трех, наконец – один на один. Долго дрались они – десять лет, двадцать лет, пятьдесят лет... Непрерывно шли бои под дворцом, а прекрасная фея сидела у окна, проводя бессонные ночи, ожидая исхода. Восходило, заходило солнце. Весна сменяла зиму, лето – весну. Год один – год другой. Опухли от бессонницы глаза феи, слезы струились, катились в равнину, образовав Охридское озеро. И, наконец, победил всех храбрый Милош, вошел во дворец, стал верным защитником-мужем.

– Все? – разочарованно спросила Шурочка. – А почему ветер дует?

– А вот когда фея успокоилась наконец, ей захотелось отоспаться за все бессонные ночи. Спит она теперь глубоко, непрерывно, спит круглые сутки. Но каждый день тревожат страшные сны. Загремит где-нибудь в горах гром, а ей кажется, что опять сражение началось. Вылетает из дворца, дрожащая, пугливая, с криками ветра, в тучах-одеждах. И мятется над озером, пока совсем не пробудится. И улыбается вдруг... И возвращается...

– Господа! Через полчаса отъезжаем! – слышится громкий голос капитана баржи.

А Шурочка смотрит в окно и восклицает:

– Совсем ясное небо, смотрите! Солнце!

Около пяти часов вечера баржа отчаливает от пристани Святого Наума. Среди новых пассажиров – игумен, который едет в Охрид, и пленный албанец, конвоируемый двумя жандармами. Точнее говоря, это не пленный. Натворив что-то у себя на родине, он просто перешел без документов границу, был арестован и теперь препровождается в город. Вид у албанца гордый, мрачный. Над горбато-изогнутым носом – зеленые пронзительные глаза; губы сжаты, на загорелом красивом лице как будто складки презрения.

Бояться ему, конечно, нечего. Но к чему гордиться? Эти горные народы удивительно похожи друг на друга: всегда подчеркнутое чувство собственного достоинства, даже когда собираются грабить. И какое влияние природы на походку, осанку! Равнинные жители передвигаются чуть-чуть вразвалку, покачиваясь. А они, горцы, точно пружинные. Каждый шаг – нечто исторически важное. И выражение лица – будто не земля терпит человека, а человек землю.

Святой Наум далеко. Сливаются постепенно монастырь с серым берегом. Наверху небо прояснилось, но албанские горы затянуты мглой, и над Галичицей ходят туманы, строя дворцы, создавая чудовищ. Солнце склонилось. Заслоненное тучей, расплавляет края, поднимает вверх огненный веер, пытается освободиться от мрачной фиолетовой маски. И на охридской стороне посинели леса, почернел камень скал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.